

Люди-города – 12 великих лиц!

Города - Герои Советского Союза...

Пусть уж нет Союза и в памяти страна...

Но я горд и счастлив, что в той стране родился,

И сегодня вспомню Героев имена...

Скрип аварийных тормозов резал уши, заставлял зажмуриться, стиснуть зубы. Сегодня страна проснулась от страшного известия:

– Внимание!!! Говорит Москва! Передаём важное правительственное сообщение ... Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня, 22 июня в 4:00 утра, без объявления войны немецкие войска атаковали наши границы. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских правителей... Наше дело правое! Победа будет за нами!

Паника, вздохи и охи, кто-то схватился за сердце, кто-то усердно стирал слёзы, текущие по щекам, кто-то причитал, стараясь успокоить стоящего рядом. Но никто так и не сел в пустой поезд. Никто, кроме него, молодого парня, которому едва исполнилось 19. Он уверенно шагал по пустому плацкартному вагону, его не встретил проводник и не проверил билет, но юноше это уже и не нужно было. Остановившись у первой ячейки, оглядел стеклянными глазами четыре спальных места, пыльный столик, на котором стояла полупустая кружка в металлической подставке, где-то, на дне которой ещё плескались остатки недопитого чая. На верхней полке покоился единственный уцелевший листок старой газеты, а на боковой койке лежала старая книга с пожелтевшими страницами в зелёном переплёте.

Парень неспешно прошёл дальше, садясь у окна. Шатен, с седой прядью у виска, поднимает взгляд на безжизненную пустую станцию со старыми красными буквами «БРЕСТ, 1941». Сегодня он первый, кто встретил эту войну...

Крепость вспомню Брестскую, ставшую преградой.

На пути у недруга в первый день войны.

Гарнизон героически пал в битве с той армадой.

И об этом подвиге помнить все должны...

– Что это было? – слышится крик где-то рядом, но Семён не разбирает слов, в ушах звенит, а перед глазами всё плывёт. Его хватают за руки, помогая встать с кровати. Он смотрит в зияющую дыру в стене. Солнце только вставало над горизонтом, молочные облака стелились по розовому небу, не хватало только пения птиц, его заменяли гул вражеских самолётов и свист летящих снарядов.

– Сёма, не стой столбом!

Товарищ дергает его за руку, вытягивая в коридор, тут же, за их спинами раздаётся страшный грохот. В воздух вздымаются клубы пыли, заполняют собой лёгкие, горло разрывается от кашля, а глаза слезятся.

– Что это? – еще хриплым ото сна голосом, спрашивает Иванов.

– Это война, Сём ... Война началась!

– Эй, вы?! – раздаётся чей-то крик в конце коридора.

– Сюда, живо!

Наконец скинув с себя оцепенение, парни побежали. Не больно большое, в десяток метров, расстояние, они преодолели с трудом, сердце стучало как бешеное, дыхание сбилось окончательно, ещё где - то в боку больно закололо. Но это всё было несущественно, по сравнению с одной пульсирующей в голове мыслью «Война»...

– Вы двое, на стрелковые позиции! – скомандовал старший лейтенант и рядовые, спешно отдав честь, кинулись по своим местам. Руки дрожали, Семен всё еще не мог навести прицел. С десяток раз его снаряды со свистом пролетали мимо противника. Юноша стиснул зубы, пытаясь взять себя в руки. Оставалось пять патронов, всего пять. Наводя орудие, он затаил

дыхание, жмурясь во время выстрела, мельком глянул на небо, что было украшено чёрным дымом от упавшего самолёта. На смуглом лице расцвела мимолётная радостная улыбка, но быстро сменилась настоящим ужасом. Крепость была не рассчитана на длительную оборону, так тут ещё и сил противника видимо-невидимо...

Семён упал на колени, сил стоять уже не было. Вечер, звуки взрывов слегка стихли, бомбёжка не прекращалась. Голоса вокруг слышались приглушенно из-за контузии, и лишь отрывки фраз удавалось разобрать:

– Чудовищные последствия!..

– Потеря большей части продовольствия...

– Мы взяты в окружение!..

– Солдат! – незнакомый голос раздался ближе и отчётливее. На его плечо легла чья-то тяжёлая рука, вынудившая Семёнку разлепить уставшие глаза и глянуть на того, кто к нему обращается.

– Сильно же тебя! – проговорил мужчина средних лет, стоящий перед ним на одном колене, поддевая пальцами, ярко выраженную среди тёмных волос седую прядь Семёна.

Взгляд сфокусировался не сразу, а осознание и вовсе пришло с опозданием. Иванов попытался подняться и отдать честь, понимая, что перед ним сам генерал, но рука, лежавшая на его плече, не позволила.

– Сиди, отдыхай, завтра у тебя важное задание... – Семён лишь промычал, ибо сил говорить не было.

– Как тебя зовут рядовой?

– Семён ... Семён Иванов! – прохрипел шатен, с трудом размыкая слипшиеся губы от крови.

– Сёма, родненький, знаешь ведь план подземных ходов? Рядовой кивнул, всё ещё слабо понимая, что от него хотят.

– Сейчас ты поспи, а завтра, прошу, выведи детей из крепости. Не прошу, а молю!!!

Уснуть под грохот снарядов и плач детей оказалась на удивление просто, слишком уж он устал. Спал без задних ног, проснувшись от того, что кто-то систематически трясёт за плечо. С трудом, разлепляя тяжёлые веки, паренёк приподнялся на локтях, глядя на обеспокоенную женщину перед собой. Лишних слов не нужно было. Иванов оглядел комнату, солдат тут уже не было, только женщины, да десяток детей. Семён поднялся на ноги, встряхнулся, подхватил автомат.

– За мной!!! – чётко крикнул паренек.

Их шаги эхом раздавались по коридорам катакомб. Тут было холодно и сыро, дети дрожали, но беспрекословно шли вперёд. Семён был замыкающим, шёл последним, постоянно оглядываясь назад, прикрывая ход беззащитных детей. Грохот там наверху лишь усиливался, вместе с тем рос и страх, что это всё рухнет им на головы. Дети плакали, матеря, пытались их успокоить, не доводя до паники.

– Тихо!!! – все замерли, оглядываясь на рядового. В блестящих от слёз глазах детей, читался неопиcуемый ужас, когда они наконец-то разобрали приближающиеся шаги и речь на чужом языке.

– Спокойно! – шёпотом сказал Сёмка, хотя у самого дрожал голос.

– Вы с детьми идите туда, по этому коридору, там осталось совсем немного.

А сам парень развернулся, убегая в противоположную сторону по закрученным коридорам, намеренно цепляясь автоматом за железные стойки, громко делал шаг за шагом, чтобы привлечь внимание немцев, увести нацистов от детей. У него получилось. Но он понимал, что заходит в тупик. Остановился, развернулся лицом к приближающимся чёрным силуэтам, крепко сжал автомат. Ещё мгновение и раздалась короткая очередь...

Сегодня Брест и Семен, были первыми, кто встретили эту войну. Больше месяца крепость держала оборону, но пала под натиском усиленного немецкого корпуса и авиации. Нередко в исследованиях, посвященных

обороне Брестской крепости приводится цифра о том, что из 4500 защитников крепости до победного 1945 года в живых осталось около 400 человек.

***

Приближалась следующая остановка. Некогда, ещё во времена Петра, этот город являлся столицей – «ЛЕНИНГРАД 1941».

Шаги парня, вошедшего в вагон, совсем не были слышны. Высокий, худой, молодой человек с каштановыми волосами, мешками под глазами, бледной кожей и родинкой под глазом сел напротив Семёна, глядя, как рядовой развязывает небольшой кулечек и протягивает ему кусочек хлеба. Ленинградец дрожащими руками принимает гостинец. В поезде было тепло, но парня кажется, охватывал лютый холод...

*Славный город Питер, в войну был Ленинградом,
И в блокаде лютой не сдался он врагу.
Этот подвиг ратный всем людям помнить надо,
О Дороге Жизни я память сберегу...*

Ледяной ветер продувал до костей, снег большими хлопьями падал на плечи, а мороз сковывал по рукам и ногам. Никто не уходит, все терпеливо стояли в очереди. Сжимая в онемевших руках жалкий, но столь дорогой кусочек хлеба, недавно полученный по карточке, даже не обращая внимания на то, что живот сводит судорогой от голода, Александр уловил взглядом полуживого подростка, только что отстоявшего очередь за заветным кусочком хлеба, еле держась на ногах. Не успев поднести свой хлеб ко рту, его резко вырывают из слабых рук паренька и быстро убегают. Мальчик медленно опускается на колени и закрывает лицо руками. Сил больше нет. Саша, не раздумывая, подходит к нему и тоже опускается на колени, берёт руку мальчика и кладет в его ладонь свой кусок хлеба. Юноша медленно поднимает

голову, слёзы всё ещё стоят в глазах, но уже сверкает искорка надежды, тепла, помощи. Он был не один, он был спасён. Этим, жутко холодным днём, стало тепло ещё двум уставшим паренькам – тому, кому помогли и отдали кусок своего хлеба и Александру – чью душу грел тёплый взгляд юнца. Их объятия были не такими крепкими, но тепло растекалось по всему телу, зарождало силу, пробуждало дух и уверенность в завтрашнем дне...

Стоя на площади, Александр с трудом заставлял посиневшие от холода пальцы сжимать скрипку. Смычок дрожал, паренек глубоко вздыхал, стараясь абстрагироваться от того ужаса вокруг. Музыка заполняла полупустую улицу, заставляла окунуться в те беззаботные деньки, когда войны не было, когда в домах ещё было электричество, тепло, уют, смех детворы, когда каждая крошка хлеба не была дороже золота...

С того дня минул почти месяц, и каждый день многие люди, очевидцы той истории, приходили сюда послушать неземную музыку, забыть обо всех невзгодах, боли и страданиях. Проходящие мимо останавливались, с замиранием вслушивались в мелодию скрипки. Звуки дальнего боя меркли перед чарующей мелодией. Холодный ветер затих, и на миг показалось, что всё закончилось, что снова тёплая весна, что лучи утреннего солнца не просто слепят глаза, но и ласково греют. Всё вернулось на свои места, как только скрипка затихла. Юный музыкант судорожно вздыхал, в глазах темнело, ноги более не держали худое тело, а синие, окоченелые руки медленно опускали смычок. Восхищавшаяся до этого толпа затихла. Санька до последнего вдоха радовал людей своей мелодией...

Ленинград пробыл в блокаде почти 900 голодных дней, погибло около 1,5 миллионов людей.

***

В окне вагона уже виднелась следующая приближающаяся станция остановки - «ОДЕССА 1941».

Мало кто заметил нового пассажира, что появился в вагоне. Маленькая девочка, переминавшаяся с ноги на ногу, милые косички, волосы цвета пшена, а глаза... Один точно изумруд, как сочная трава, другой - отдаёт синевой неба, глубиной океана. Глядя на неё, Семёну тяжело было не вспомнить детей, что он спасал из Бреста. Безмолвно подозвал её к себе и усадил на свои колени. Взгляд ребёнка привлекла стучащая о края стакана ложка, а рядом на салфетке – спрессованный в аккуратные кубики сахар...

*Об Одесских подвигах знают катакомбы,
Обелиски памяти смотрят нам в сердца,
Помня, как взрывались вражеские бомбы,
Не сломали дух они нашего бойца...*

Рафинад медленно растворялся в холодном чае, ложка билась о стенки маленькой кружечки, а девочка, скушаяще, наблюдала за последними видимыми крупичками сахара. Она вся, как на иголках, нервно ожидала, когда взрывы вдалеке стихнут.

Тишина, режущая уши, заставила быстро проморгать, убедиться, что это реальность. Анютка подскочила с места, совсем забыв про чай, схватила корзинку, напоследок лишь успела вскрикнуть:

– Мамочка! Я побежала, пока на улице стихло! Очень тебя люблю!

– Осторожней милая! Береги себя, люблю тебя!

Больная женщина с трудом привстала с кровати, дабы посмотреть в окно, на убегающую дочку и перекрестить. Она бы ни за что не отпустила Аню, но храброму сердцу не сиделось дома.

Девчушка бежала, перепрыгивая через ямы и кочки, словно их не замечая, как будто это лабиринт с препятствиями: где-то нужно увильнуть, где-то пригнуться, где-то притормозить, чтобы не упасть в воронку от взрыва.

Они с матерью живут на окраине города, и Анька каждый день бежит к солдатам, принося еду, что приготовила матушка...

– Бежит! – крикнул один из уставших солдат. Он поднялся на ноги и пошёл навстречу девочке. На личике ребёнка сияла улыбка, Аня врезалась с объятиями в знакомого рядового.

– Ух! Тише! – тот подхватил Анечку на руки, и пошёл к остальным.

– Мама сегодня кашу сварила...

– Анька, солнышко ты наше... Передавай огромный поклон Надежде Васильевне.

– Вам спасибо! Вы же защищаете нас круглыми сутками. Без вас боюсь, что дела наши были бы плачевным...

Солдат поставил девочку на ноги, и только после, она опустила тяжёлую корзину на землю, всегда отказывалась, когда порывались помочь донести её.

Бойцы, сидящие кругом, жадно ели слегка подстывшую кашу. Анька сидела среди них, слабо улыбалась, увлечённо рассказывала о своём сне. Все слушали её с особым интересом, это хоть как-то отвлекало от гнетущей атмосферы. Девочка напоминала сияющего ангелочка. Каждый из присутствовавших её любил, как сестрёнку или дочурку, каждый ждал её с большим нетерпением, трепетом и нежностью, которой так не хватало вдалеке от родных семей.

– Ну а потом я проснулась, – выпалила девочка, взволнованная от рассказа, с благодарностью прижимая металлическую кружку к губам и смачивая пересохшее горло сладким чаем.

– Вы тут как? – она, выжидаяще глянула на солдат. Те в свою очередь переглянулись – не хотелось огорчать это счастливое дитя.

– Всё хорошо, милая! – начинал, было, первый.

– Вот-вот победим! – подхватил второй, натягивая на лицо, жалкое подобие улыбки. И Анька улыбнулась в ответ, но уже не так лучезарно. Она не могла не заметить, что солдаты всё больше отходят назад под натиском врага.

– Так, ладно, беги домой! – сказал мужчина, что её встречал. Потрепал девочку по волосам, поцеловал в макушку и крепко обнял. После, Аня, улыбаясь, встала со своего места.

– Вот... к чаю... – сказал один из военных, протягивая ей пару кусочков рафинада, завёрнутых в салфетку...

Немолодая женщина всё ещё стояла у окна, глядя на тёмную улицу. Сердце разрывалось от беспокойства за дочь, а осознание, что маленькая Аня не вернётся домой, сжимала грудь в тиски, растекаясь болью по всему телу. Минуты сменялись часами, ожидание и беспомощность убивало. А вскоре очередной взрыв, слишком близко, заставил женщину содрогнуться от страха. Этот день стал последним, когда Аня принесла солдатам еду и самым страшным днем для ее мамы.

Одесса героически держала оборону 73 дня перед превосходящими силами противника, потеряв свыше 16,5 тысяч убитыми и около 24,7 тысяч ранеными.

***

Облезшие буквы гласят о следующем месте назначения – «СЕВАСТОПОЛЬ» и уже знакомые до боли цифры «1941».

Как появился новый пассажир, также осталось незамеченным. Но вот он - молодой матрос, руки сбиты в кровь, осторожно поправил чёлку, которая, то и дело лезла в глаза...

*Севастополь стойкий нам эхом отзовется,
Тех сражений залпы он помнит, как сейчас.
Ну а враг надменный, в гробу перевернется.
Вспомню доблесть славную я в победный час...*

Огромный военный авианосец то и дело наклонялся, грозясь совсем перевернуться. Толщи воды буквально в паре метров вздымались на огромную высоту, заставляя сердце замирать и вновь, срывались в море. Федька, молодой парнишка, что даже не успел окончить военно-морское училище (времени не хватило, война грянула слишком внезапно) находился на палубе, первый,

встречая разъяренное море. Неопытный и не понимающий, что ему делать паренёк беспрекословно выполнял приказы командира экипажа. Кажется, что он был окутан огнём, хотя вокруг него лишь многие километры ледяной водной глади. Жар охватывал тело, дышать практически было невозможно, он поскальзывался и падал, вновь поднимался, чтобы устоять на ногах. Осенний ветер не помогал затихнуть жару, а холодные брызги, наоборот жгли, точно кислота.

– Загружай снаряд!

Брюнет поднимал тяжёлый боеприпас, неся его к орудию. Ноги подкашивались, трудно было держать равновесие, но руки чётко знали своё дело. Загрузив снаряд, он отшатнулся назад на пару шагов, зажал уши руками, снаряд полетел стремительно, попадая точно по вражескому кораблю, кажется, выводя их орудия из строя. Радостный крик прокатился по кораблю, точно огромная волна, но быстро утих в очередном взрыве и смятении экипажа. Немецкий корабль, зашедший со стороны, застал наших бойцов врасплох, повредил левый борт корабля. Якорь с лязгом цепей полетел на дно, окончательно вынуждая корабль наклоняться влево. Фёдор отчаянно схватился за канат, пытаясь удержать цепь, что мгновенно убегала ко дну вместе с якорем. Это было бесполезно. Якорь стремительно уходил под воду, руки намокли от крови, на них не было живого места. Пелена слёз, вперемешку с солёными брызгами, застилала глаза, в ушах звенело, а тело горело, желая превратиться в пепел и более не находиться здесь, в этом аду.

В миг всё прекратилось: холодная вода окутала с головой, остужая пыл его тела. Корабль начал тонуть, солдаты медленно опускались на дно. Сквозь синеющую толщу воды ещё можно было видеть горящие обломки корабля.

Они проиграли этот бой, но не отдали город врагу. Севастополь остался неприступным. По архивным данным, на 1 июня общая численность войск в Севастополе составляла 130125 человек, на 10 июня безвозвратные потери 32275 человек и 17 894 раненые, эвакуированные до 28 июня, то есть в Севастополе было брошено 79 956 бойцов, из них спасли только 1726 человек.

***

Раньше надоедливый скрип, стал ныне привычным, но сердце каждый раз болезненно сжималось, когда тяжёлая дорога войны приводила их к очередному городу. «СТАЛИНГРАД 1942»...

*Сталинград расскажет про схватку роковую,
Волгоградом ныне зовётся светлый град.
Заслужил себе он ту славу вековую,
Знаменит пленением вражеских солдат...*

Ад. Это был ад на земле. В этом городе не было места пулям, не то, что людям. Они падали на землю, вцепившись одна в другую, пуля – в пулю, словно вырывая душу из души.

Взрывы, крики и выстрелы ни на минуту не утихали. Это сводило с ума. Здоровый, крепкий мужчина, с огромным шрамом, полученным около года назад – Николай Петрович, иногда сомневался в том, что он ещё жив. Казалось, что это вечно зацикленная картина кошмарного сна. Но острая боль всегда возвращала его в реальность. Укрываясь за обломком стены, он прижимал автомат к груди, переводя дыхание. Это бесполезно, думал он, враг занял слишком удобную позицию – на вершине кургана. Советских воинов уже полегло немало, а они не продвинулись ни на шаг. Стискивая зубы, Николай сжимал оружие сильнее, так что белели пальцы. Рядом приземлился молодой мальчишка, кряхтящий от боли, сжимая окровавленный бок.

– Рация есть? – мужчине приходилось кричать, дабы его услышали.

– Что?

– Рация?

Солдат поморщился, протягивая средства связи.

– Всем постам! Говорит Николай Платов, капитан четвёртой роты. Всем, кто ещё в состоянии сражаться, нужен один мощный рывок, приём???

Шипение в рации разрезал тихий голос:

– Капитан, это безрассудно! Приём!

– У нас нет выбора: и так и так поляжем здесь, но город должны сохранить. Все к правому флангу. Как поняли? Приём!?

Тишина рации заставила сердце учащённо биться, так что кровь застучала в ушах.

– Ясно! Приказ понятен! Ждём вашу команду!

Внутри Николая что-то оборвалось, осознавая, что он ведёт всех на верную гибель. Отвратительное чувство. Сомнения охватили с головой, но рука на плече вывела из мыслей, взгляд раненого парня не был замутнён пеленой боли, по его глазам все было ясно:

– Веди! Мы должны отстоять наш город, нашу страну. Если немцы пересекут Волгу, то мы обречены. Мы должны повернуть ход войны, стать тем самым переломным звеном в этой схватке.

Николай вздыхает, сжимая в руке рацию, заполняя легкие запахом дыма, гари и пороха. Злость, отчаяние и безысходность придали ему силы. И уже уверенным, твёрдым голосом он крикнул в рацию:

– Всем подразделениям! По моей команде – быть наготове!

Он выжидает, в рации гробовая тишина, минута, вторая, напряжение нарастает. Командир ждёт, когда вражеский огонь утихнет.

– Сейчас!!! Ребята вперёд, оружие к бою! Вперёд!!!

Сам хватается оружие, бросаясь в бой с остальными. Немцы явно такого не ожидали, что и дало советским воинам преимущество. Мужчине, оказавшемуся в рядах первых, кровавая пелена застелила глаза, а израненное пулями тело, тут же упало на землю. Он уже не увидит и не узнает, что будет дальше.

Они отдали свои жизни, чтобы всё же стать переломной дугой той войны, отстояли Сталинград, вынудили врага повернуть назад. По информации

Минобороны РФ, в ходе Сталинградской битвы фашистский блок потерял четвертую часть сил, действовавших на советско-германском фронте. Общие потери Германии и союзников убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести оцениваются в 1,5 миллиона человек. Потери Красной Армии составили около 1 130 000 человек, среди которых 480 тысяч безвозвратные (к ним относят убитых, умерших от болезней, пропавших без вести и попавших в плен).

***

Поезд снова тормозит и в поле зрения появляется новая станция – «КИЕВ 1941».

На входе появляется хрупкая на вид девушка, по одежде сразу становится понятно – медицинская сестра. Она ещё долго стоит в тамбуре вагона, даже когда поезд трогается. Не сводит взгляд с окна, наблюдая за отдаляющейся платформой станции, только потом, проходит и садится рядом с парнем из Бреста. За окном медленно мелькают деревья, постепенно увеличивая свою скорость, но напряжённый взгляд мутных глаз всё равно вылавливает среди них, два развороченных снарядом, пня, тех самых...

*Киев был заслоном от выроdkов Рейхстага,
Весь народ сплотился и выстоял в бою.
Под запретом там сейчас прошлая отвага,
Но я в сердце у себя память сохраню...*

Стройные берёзы склонились над двумя людьми, будто укрывая своими ветками от ужасов внешнего мира.

– Катенька! Оставь меня! – прохрипел раненый солдат, пока девушка, склонившаяся над ним, усердно бинтует простреленный бок. Медсестра ничего не отвечает, её чёрные, как смоль, волосы выбивались прядями из аккуратно собранного пучка, спадая на глаза. Та пыталась их сдуть ртом, не

отрываясь от дела, но это не выходило. Ей приходилось отрывать руку, заправлять непослушную прядь за ухо, пачкая алой кровью молодое личико и вновь продолжать бинтовать. Поднимая голову к небу, её сердце замирало, видя в воздухе следы падающих повсюду снарядов.

– Катя, беги! – мужчина отталкивал девушку от себя, но та настырно вновь оказывалась рядом, взваливая на себя солдата и продолжая тащить с поля боя.

Маленькая, хрупкая девушка, вчерашняя школьница, что не так давно, нагло врала о том, что ей уже есть 18, лишь бы её взяли на фронт, сейчас выносит на своих плечах раненых солдат из-под обстрела.

Взрывная волна почти сбивает с ног её и раненого солдата. Оглядываясь, она видит, как от двух стройных берёзок, что совсем недавно их защищали, остались изувеченные пни, те самые...

Свинец, свистящий мимо ушей, полностью вытеснил воздух. Металлический запах крови был настолько отчётливым, что уже ощущался на языке. И так, раз за разом, юная девушка, уверенными и смелыми рывками – вылазками, вытягивала из-под огненного дождя раненых солдат...

Катя сидела рядом уже с молодым пареньком, в плече солдата было рана. Спешно останавливала кровь, на извлечение пули просто не было времени, да и парень постоянно дёргался, наравясь, побыстрее схватиться за автомат. Руки девушки дрожали, но не от боли или страха, а от банальной усталости. Бой шел непрерывно, почти весь день, мышцы ныли, а голова кружилась. Наша смелая девчонка почти теряла сознание, как вдруг, в чувства её привела острая боль. Отклонясь в сторону, она вскрикнула, хватаясь за простреленную мочку уха. Война и на ней поставила свою метку, не любит сильных, но и забрать не может.

Катя давно сбилась со счета, какой уже день идёт этот бой, наши постоянно отступали. Их медленно брали в кольцо, и все это понимали, нам не победить и живым отсюда не выйти, но надежда жила в каждом, из последних сил выполняя свою работу, старались сдержать врага.

Неся на себе очередного раненого солдата, Катерина ощущала, как начала кружиться голова, в глазах темнело и бросало в холод. Она только и успела передать бойца другому санитару, как резко упала возле медицинского штаба, не думая о себе, спасая чужие жизни...

И когда сложится вся картина этой страшной войны и нашей великой победы, будет ясно, что Катя была одним из важных пазлов этого времени. Первый год войны был страшен, Киев был взят нацистами. Более 600 000 человек были убиты, взяты в плен или пропали без вести.

***

Поезд неумолимо мчится через время, вновь новая станция – «МОСКВА».

Близидящий у окна размыкает глаза, глядя на нового пассажира, молодого парнишку, с волосами кофейного цвета, у которого на тыльной стороне ладони было замечено родимое пятно, смутно напоминающее образ звезды. Он поспешно прошёл к боковому месту, закрыл глаза и погрузился в темноту...

*Чту я дух народа, ковавшего Победу,
И я также помню геройские слова:
Надо дать отпор врагу и призвать к ответу,
Отступить нам некуда – позади Москва!...*

Паника, страх и слёзы охватили жителей Великой столицы. Война почти проиграна, немцам до Москвы какие - то пару десятков километров, сам Иосиф Виссарионович Сталин готовился к тому, чтобы покинуть город...

По улицам лагеря бежал молодой солдат, которому было дано задание: хотя бы попытаться успокоить народ. В противном случае всё закончится сегодня.

– Товарищи!!! – мальчишка забрался на возвышенность, дабы на него обратили, хоть какое-то внимание. Люди начали останавливаться, поднимая глаза на парня. Виктор набрал лёгкие, полные воздуха, собрался с мыслями и крикнул:

– Дорогие товарищи! Прекратите паниковать! Да, немцы уже близко и что с того? За много лет на нашу страну столькие посягались, и ни разу мы не отступили, никогда не сдавались, разве сделаем это сейчас?

Витя ненадолго остановился, переводя дыхание, горло болело, а голос сипел, ибо приходилось громко кричать, чтобы все солдаты, собравшиеся вокруг, слышали его.

– Братцы, одумайтесь, если не мы, то кто? Нам некуда отступить, позади нас Москва!

Горящие надеждой и верой глаза, грели душу. Да, они все здесь «пушечное мясо» и поодиночке их жизни ничего не стоят, но вместе они обязательно повернут ход войны.

Гремят снаряды, клубы дыма и пыли не дают нормально дышать, пули свистят над головой. Страшно. Очень страшно. Трезво осмысливая ситуацию и понимая силы противников, становится, очевидно, как это бесполезно, но голос разума перекрывает отчаянная вера сердца...

Пушки стихли, пыль осела. Тут и там воронки от взрывов и множество кровавых тел, утраты и повреждения огромны, но они все, же отбили атаку противника, радость значимой победы смешивалась с горечью потерь. Молодой солдат осторожно шел меж тел, выискивая живых, чтобы помочь. Взгляд уцепился за знакомое лицо, чёрные волосы были растрепаны, белая кожа стала еще бледней, развороченная грудь красным пятном зияла на теле, звезда, то самое родимое пятно на тыльной стороне ладони, стала ярко-алого цвета и пустые глаза, смотрящие в небо... Это был Виктор, тот самый парнишка, призывающий не сдаваться. Сердце сжалось, видя застывшую улыбку на лице мертвеца – он знал, что они победят. Москва не была взята, враг повернул назад.

***

«КЕРЧЬ 1942» – следующая станция.

Маленький пассажир появляется в вагоне. Мальчишка лет семи, мешкает, но ему быстро находится место на коленях мужчины с большим шрамом на лице, тут все свои, все родные...

Керчь нам всем расскажет про славу боевую.

Славен мир Аджимушкая, славен на века!

Вспомню я душевную песню фронтовую,

И как шли десантники штурмом на врага...

Мать плакала, отпуская сына, а маленький Ваня, хоть ещё совсем ребёнок, но прекрасно понимал сложившуюся ситуацию. Его родной город в оккупации немецкими войсками, о массовых расстрелах, сжиганиях заживо и пытках мальчишка слышал лишь мельком от матери и тётки, шептавшихся по ночам. А сегодня к ним в дом заявили немцы, но не стрелять, нет. Велели одеться, взять учебники и явиться в школу. Женщина рыдала, обнимая сына, она не просто чувствовала, она знала, что эти объятия последние, но и сделать ничего не могла – за спиной маленькая дочка и пока её не тронули, женщина должна остаться в живых, дабы спасти, хотя бы её.

Школьников привезли в заводскую школу, под предлогом прогулки. Дети были напуганы, плакали, кто-то вырывался, пытаясь убежать. Ванька на удивление был спокоен, надеялся, что если не будет привлекать к себе внимание, то вернётся домой. Их выстроили в шеренгу, раздали всем кружки с горячим напитком. Скривившись от резкого запаха, мальчик принял стакан, не особо желая это пить, хоть и был жутко голоден.

– Пей, – гаркнул немец, стоящий над ним и ткнул в мальчика автоматом. Ваня лишь ойкнул, пролив горячий кофе себе на руки, глазки заслезились от безысходности. Он вдохнул воздух, сделал глоток, только после этого от него

отступил немецкий фриц. Мерзкая горечь обожгла горло, зелёные глазки заслезились пуще прежнего и горячие ручейки обожгли щёчки. Руки задрожали, и он упал на пол, кашляя без остановки. Его охватил холод, и детское личико посинело, а в глазах потемнело. Это были самые долгие 10 минут его жизни – последние 10. Рядом упал ещё ребёнок, ещё, и ещё. В тот день было отравлено 245 детей школьного возраста.

В те страшные дни Керчь потеряла 15000 мирных жителей, все они были зверски убиты.

***

Вновь по вагонам проблеснул тусклый фонарь, приближающейся станции «НОВОРОССИЙСК 1943».

Девятый тяжёлого пути, появляется в вагоне под тихий, даже приятный звон камней – коротко стриженный паренёк, прихрамывающий на левую ногу...

*Мирно дышит небо пусть над Новороссийском,
Легендарный был плацдарм - Малая Земля,
Стал он неприступным для нечисти фашистской,
Больше полугода ведь длилась битва та...*

Пашка сидел на холодном полу, откинув голову назад. Редко когда удавалось поспать и сейчас тот самый момент. Они всего лишь курсанты, 5000 юных мальчишек вот уже вторую неделю удерживали оборону. Руки опускались, силы были на исходе, подмоги не было и уже, скорее всего не будет. Павел вздрогнул, вскакивая с места от оглушительного грохота.

– Подъём! Подъём! Немцы прорвали левый фланг! Все туда!

Курсант встрепенулся, хватая автомат на бегу. В паре метров грохочет бой, некогда свежий воздух сменился удушливым запахом крови, он

наклоняется и подбирает пару гладких камней, засовывая их в карман – последнее напоминание о родной земле.

Бросаясь в бой одним из первых, он чудом остался жив. Пули свистели над самым его ухом, но не задели Пашку, в глазах блеснул огонь ярости. Они не отступят ни на шаг, думал паренек.

Всего лишь миг и Павел уже хрипел от боли, тело было словно решето, но он ещё стоял на ногах, сжимая пустой автомат. Павла взяли в окружение и никуда ему не деться. Последняя граната, выдернутая чека, и темнота...

103 курсантская бригада города Новороссийска героически держала оборону две недели, но город всё равно был взят врагом.

***

Поезд плавно останавливается у следующей станции. Виднеются потрескавшиеся и выцветшие буквы «МИНСК 1941».

По вагону тихо разносятся мягкие шаги, новый пассажир уже здесь, рыжеволосый, кудрявый мальчишка, лицо которого усыпано тысячью веснушек. Маленькое солнышко, будто светится, среди серого мира, лишь глаза мутные и неживые. Он ничего не говорил, хотя это и не нужно, казалось, что они понимают друг друга без слов. Антошка, взобравшийся на верхнюю полку, когда состав плавно тронулся с места, замечает оторванный листок старой газеты. Там фото знакомой улицы, дома строящиеся, недавно высаженные кусты, асфальтированная ровная дорога и выложенный плиткой тротуар...

*Минск геройским подвигом славится навечно!
Был подполья центром он с первых дней Войны.
И с фашистским гадом злым бился безупречно,
Приближая День Святой с запахом весны...*

Антошка нёсся по длинной улице, то и дело, спотыкаясь о ямы на некогда ровной дороге. Пустые и безжизненные здания, стервятниками возвышались вокруг, а чёрные провалы разбитых окон заглядывали в самую глубь души. Света и воды нет уже давно. С первых дней оккупации города фонари тоже не горят, из-за чего в ночной темноте совсем не видно. Он оступается, падает на асфальт, сдирая в кровь колени и ладони, шипит от боли, глаза слезятся, а лёгкие жжёт огнём. Юнец в спешке проверяет сумку, висящую через плечо, и облегчённо вздыхает, поднимаясь на ноги. Нет, за ним нет погони, но на улицах действует комендантский час, и если он попадётся немецким патрулям на глаза, то ему не жить. Свист ночного ветра резко разрезает женский крик:

– Нет, прошу, не стреляйте!

Не раздумывая, мальчик несётся на звук, остановившись лишь, когда увидел приглушённый свет фонариков. Девушка, закрывающая собой ребёнка и две нацистские падали, что явно решили не просто пострелять несчастных, но и вдоволь порезвиться. Антон наклоняется, поднимая камень с дороги и попадая одному из солдат чётко в затылок. Небольшой обломок кирпича с громким стуком отлетает от металлической каски, слышится ругань на немецком языке.

– Эй, твари фашистские! Слабо поймать? – кричит Антон, махая руками. Солдаты, совсем забыв о бедной девушке, пускаются вслед за партизаном. Тот, в свою очередь, срывается с места, вкладывая свои последние силы в то, чтобы оторваться от них. Силы измотанного, не особо спортивного мальчишки, которому недавно перевалило за 15, и подготовленных взрослых мужчин, явно не равны. Но у рыжика есть своё преимущество: с лёгкостью виляя между знакомых домов, он мчится к старому детскому дому. Лезть туда не стоит, ибо в северную часть здания влетела немецкая бомба, унеся с собой немало жизни. Ныне в любой момент может ненароком рухнуть стена или даже крыша, но Антона это не пугает, пусть ещё раз этот дом спасёт его. Взбегая по высокому порогу, паренёк силой ударяется о массивные двери главного входа.

Но те, к его ужасу, не поддаются. Грудная клетка бешено вздымается вверх – вниз, в зелёных глазах мелькает неопиcуемый страх, за спиной уже слышатся приближающиеся шаги.

– Нет, нет! – как в бреду шепчет парень, осознавая безвыходность своей ситуации. Кулак бессильно ударяется о двери, но та непреклонна.

– Нет! Я не могу сдаться сейчас!

Очередь выстрелов на мгновение разрезает ночную тишину. Подросток отшатывается назад, переваливаясь через перила, и падает на землю. Пока немцы не успели спохватиться, смелый пацан уже преодолевает полпути, шныряя за угол. А после, с такой же лёгкостью, влетает в выбитое окно. Оказавшись внутри, он тут же пускается к уцелевшим служебным комнатам. Всё такое до боли знакомое, и в то же время совсем другое, чужое будто. Момента рассматривать, некогда уютный интерьер, не находится. Забегая в комнату, что когда-то служила складом, парень нервно оглядывает столы и стулья, тумбочки и шкафы. За секунды, преодолевая комнату, он решает укрыться в одном из шкафов. Банально, но другого варианта у него не находится. Антон максимально тихо пытается прикрыть скрипучую дверку, садясь на корточки и тяжело дыша. Гнетущая тишина нарушается звуком тяжёлых шагов. Юноша кажется и вовсе забыл, как дышать. Немцы ходят по комнате, ища его, бесцеремонно распахивая дверцы шкафчиков, переворачивая столы и стулья, но не успевают дойти до конца комнаты. Они слышат что-то в коридоре и мигом бегут туда. Антошка облегчённо вздыхает, прикрывая глаза ладонью, протягивая, насколько это возможно, ноги для того, чтобы прошли судороги...

Выбрался из своего укрытия он только тогда, когда конечности уже изрядно затекли, и терпеть это не представлялось возможным. Прислушиваясь к гробовой тишине, он с облегчением осознал, что это, наконец, закончилось. Поднялся на ноги под хруст собственных суставов и поспешил в коридор. Тихие шаги эхом отражались от старых стен уцелевшей комнаты, заставляя слабо улыбнуться происходящему – на этот раз цел...

– Долго же ты! Стряслось чего? – спросил мужчина средних лет, когда Антон, наконец, объявился в подпольном лагере партизан.

– Ах, да там... от немцев побегать пришлось немного, – легкомысленно отмахнулся паренёк, выкладывая на стол выкраденные бумаги.

– Вот ты даёшь! – засмеялся Ефим, похлопывая мальчишку по плечу.

– Ну, убежал же!? Не зря ты у нас Шустрый.

Парень улыбнулся, его и самого всегда забавляла собственная фамилия, хотя он лично считал, что она ему совсем не подходит.

Собрание шло уже около часа и, несмотря на всю усталость после долгой ночи, он внимательно слушал каждое слово, понимая, как это важно.

– Николай, ты должен будешь подорвать немецкий склад!

– Что? - встрепнулся мужчина, буквально подскочив со своего места.

– Почему я? Вон Антона пошлите, – вскрикнул он, указав на юнца.

– Что это ты такое несёшь? – разозлился Ефим.

– А что? У меня дома семья, а он сирота, ему терять нечего!

Злость вскипела где-то внутри Антошки, так что парню пришлось сжать руки в кулаки.

– И что нам теперь? – Оборвал грубо старшего сам Антон, поднявшись на ноги.

– И пойду! Пойду не потому, что мне нечего терять, он сурово глянул на Николая, а потому что боюсь потерять свою родину. Если мне суждено умереть ради её спасения, то я готов. Круглая сирота развернулся, покидая помещение под ошарашенные взгляды остальных...

Пробраться на базу противника далось с большим трудом и всё же он сейчас там. До цели рукой подать, если бы не град пуль, преграждающих путь. Антошка держался за раненное плечо, нужно было бросить гранату в их сторону, но тут и высунуться страшно. Прикусывая губы и собирая мужество в кулак, он вынул чеку. Кинуть гранату далеко не получится, но медлить было нельзя. Взрыв оглушил, клубы пыли поднялись в воздух, вражеский огонь стих. Преодолевая дистанцию в пару десятков метров, он оказался в бетонном

здании без окон, за спиной рюкзак с взрывчаткой и ему отсюда никуда не деться, тупик. Но он выполнил это задание. Как говорил Суворов А. В.: «Героями не рождаются, героями становятся».

Минск даже после оккупации оставался главным подпольным центром партизан. Советские документы не зафиксировали количество жертв бомбардировок и пожаров, а также масштаб разрушений Минска в июньские дни. По оценке немецкой санитарной службы, на 1 августа 1941 г. под развалинами оставалось ещё от 600 до 700 тел.

***

«ТУЛА». Город известный своими пряниками, расписными самоварами и оружием. Последнее сыграло большую роль в 1941...

В вагоне появился хмурый мужчина с широкими плечами, тёмно-русыми волосами, небритой щетиной и с отсутствовавшей фалангой мизинца на левой руке...

*Тула стала градом, фашисту недоступным,
Дали им не пряник, не Тульский самовар.
Положили там конец действиям преступным,
И бежал оттуда враг, не сдержав удар...*

От шума станков и взрывов закладывало уши, пот стекал по лбу, от чего то и дело приходилось протирать его. Руки ужасно болели, дышать было тяжело из-за постоянной работы с порохом. Буквально за стеной шел бой. Позади родной город, впереди две армии врага, а между ними они – обычные рабочие и небольшое количество солдат, удерживающих оборону.

Высокий мужчина склонился над станком, сосредоточено производя основу для снарядов.

– Валерий Кондратьевич! – раздался крик на весь цех и в дверном проёме появился раненый солдат. У него была повреждена рука, и управлять

артиллерией он не мог, но и без дела не сидел, служил послом между фронтом и производством.

– Нам срочно ещё снаряды нужны!

Мужчина цыкнул, глядя на незаконченную партию:

– Колька, Вовка, помогите отнести, – ребята тут же побросали своё дело и понесли деревянные коробки в машину.

– Немного хватит, на полчаса, может чуть больше, – сказал раненый.

– Ребята совсем не успевают, все уже на пределе, – вздохнув, сказал Валерий. Он вернулся к работе, сосредоточившись на выполнении мелких деталей, как вдруг...

– Валерий Кондратьевич! – оклик паренька перебил шум станков. Рука соскочила, и станок лишил Валерия фаланги мизинца. Все тут же побросали рабочие места, кинулись на помощь.

– Работать, работать! Не отлынивать! – командовал начальник цеха, всего полчаса назад, лишившийся половины пальца, а сейчас, пересиливая боль, принялся работать наравне со всеми.

Как жаль, что всё было зря. Первая линия обороны уже была прорвана, и свист снарядов заглушал голос командира, но надежда умирала последней, город, всё же, устоял.

***

Красные потрескавшиеся буквы гласят о следующей станции – «СМОЛЕНСК 1941».

В вагоне появляется немолодая женщина, слегка расчёсанные светлорусые волосы под платком, простенькое испачканное платьице...

Мурманск – город Славы бомбили самолёты,

*Но и под бомбёжками русский дух крепчал.
Всем привычны стали там авианалёты.
Наш защитник Севера с честью устоял!*

*Как тогда в Смоленске, на подступах к Столице,
Сдерживали долго фашистскую орду.
Плану вероломному, нет, уже не сбыться.
И к Огню я Вечному с гордостью приду...*

– Ну, всё, тише, тише! Не плачьте! – Мария стояла на коленях и успокаивала двух девочек. Таня и Люба – близняшки, две капельки воды, что сейчас отчаянно хватаются за мать, не желая её отпускать. У Марии Павловны кровью обливалось сердце от вида детских слёз, но ей нужно было идти, найти хоть какую-то еду.

– Ну, тише, мне, правда, надо идти!

– Мам, ты же вернёшься?

– Конечно вернусь, мои золотые! – она осторожно стирала слёзки с детских щечек, целуя каждую в носик.

– Закройтесь и сидите тихо!

Таня кивнула, первая отстранилась от матери, смотря на неё мокрыми глазками.

– Ты же ненадолго? – спрашивала Любочка, отходя к сестре.

– Ненадолго...

Улица встретила гнетущей тишиной. После того как Смоленск долго сдерживал врага на подступах к Москве, сильно нарушив график плана Барбаросса, разъярённые немцы всё же взяли город, не оставили ничего живого, далеко не всем мирным жителям повезло уцелеть.

Плач, раздавшийся из-под угла, заставил вздрогнуть. Нерешительно выглядывая, Мария увидела мальчишку лет пяти, грязное перепачканное

личико, спутанные волосы, потрёпанная одежда. Плетясь по улице, он громко плакал, всхлипывая, кажется, пытался кого-то звать, но из-за слёз не выходило.

– Эй, малыш?! – ребёнок развернулся на голос, оглядывая женщину. Страх в детских глазах начал сходиться на нет. Мария Павловна опустилась на колени, протягивая мальчику руки.

– Иди ко мне! – малыш чуть помялся, а после кинулся в объятия женщины, горько заплакал, наверное, вспомнил объятия матери, которую потерял.

Собственный дом встречал гробовой тишиной, она знала, что не услышит ни звука, пока сама не подаст голос, но сердце всё равно нервно сжималось внутри.

– Милые, я дома!

– Мамочка! – навстречу выбежали две девочки, обнимая женщину, запоздало замечая мальчика за её спиной.

– Девочки, знакомьтесь – это Миша! Он будет жить с нами.

Близняшки переглянулись, а после на их лицах засияли улыбки. В тот вечер они не отходили друг от друга ни на шаг. Дети быстро поладили. Дни сменялись неделями, только вот еду становилось находить труднее, а ртов становилось больше. С каждым разом приходилось выбираться дальше от дома, а видя очередного осиротевшего мальчишку или девчонку, Мария просто не могла пройти мимо. Сейчас дома её ждали уже пять ребят, старшему Ваське – 14. Это внушает уверенность, и уходить надолго уже не так было страшно.

Но сегодня домой она уже не вернется...

Слыша шорох со стороны, она вздрогнула, вглядываясь в темноту полуразрушенного здания.

– Эй, кто там?

Из темноты вышла грязная малышка с растрёпанными волосами. Уже знакомое зрелище, но каждый раз становилось плохо, зная, сколько детей, осталось сиротами.

– Иди сюда, милая! – девочка делает неуверенный шаг, но тут же замирает, слыша гул самолёта.

– Нет! Нет, милая, иди сюда! – Мария Павловна кидается к девочке, укрывая в своих объятиях. Снаряд, влетевший в окно, разрывается, оставляя после себя лишь приглушённый шум и звон в ушах...

Смоленск доблестно сражался с многочисленным врагом, дав время Москве собрать как можно больше сил. Немцам пришлось оставить город.

***

Одинокий огненно-красный поезд, остановился – конечная станция – «ПОБЕДА! 9 МАЯ 1945». Он ехал через всю страну, с самого 22 июня 1941 года, набирая скорость. Мчался через родину, побитую, истрепанную, разорванную, изнеможенную, через кровавые реки, непроходимые и изувеченные от обстрелов города с ужасными потерями, болью утрат и тысячью сирот, но с ярким блеском в глазах, победой и славой, усталый, доехал до конца, до нашей ПОБЕДЫ.

В безжизненных блёклых глазах пассажиров, наконец-то засверкала радость. Победа грела душу, герои улыбались, вскакивали со своих мест, плакали, снимали головные уборы и кидали их вверх, ребята прыгали от радости, обнимались.

12 Городов-Героев украшают Лик Советского Союза. Многие проявили невиданный героизм, и хоть их уже нет в живых, их слава и память о них, навеки увековечены в образе великих городов.

Героический Брест – Иванов Семён с седой прядью волос; неприступный Ленинград – Александр, с явно выраженной родинкой под глазом; мужественная Одесса – Аня, с разным цветом глаз; стойкий Севастополь – Фёдор, матрос, у которого руки разбиты в кровь; отважный Сталинград – Николай Петрович Платов, с большим шрамом через весь глаз; бесстрашный Киев – Катя, медсестра с простреленной мочкой уха; великая

Москва – Виктор, с родимым пятном на руке, в виде звезды; страдальческая Керчь – первоклассник Ванька; доблестный Новороссийск – Павел, с горстью камней в кармане; несломленный Минск – солнечный мальчик, партизан, Антошка Шустрый; выносливая Тула – Валерий Кондратьевич, без фаланги на мизинце; доблестный Смоленск – Мария Павловна, ставшая матерью для многих сирот.

За время войны в городах были страшные разрушения, боль и потери. Да и на каждом из героев жестокая война оставила навсегда свой след, можно сказать, пометила их, чтобы запомнились навсегда.

Аллея Городов - Героев подходила к концу, Константин Батурин, автор великих строк, что увековечили героизм Городов - Героев, останавливается у Вечного огня, возлагает на монумент гвоздики в честь скорби. Молчит, гордость за подвиг советского народа переполняет его грудь. Об этом надо знать и помнить! Вздыхая, он достаёт потрёпанный блокнот, наконец-то дописывая последние строки:

*Пусть же вечно славится дух непобедимый
Городов-Героев моей большой страны!
В памяти оставили след неизгладимый,
Защитили доблестно мир от злой чумы.*